

УДК 327(437.6)

DOI 10.30914/2227-6874-2020-13-70-84

Образ Вишеградской группы в словацких научных исследованиях

В. В. Никитин

В статье анализируются и критически оцениваются подходы словацких исследователей к деятельности четырех вишеградских стран, три из которых до 1918 г. входили в состав Австро-Венгрии. В первой части данной работы автор рассматривает, как оценивается роль Словакии в Вишеградской группе в работах словацких исследователей. На этой основе автор приходит к заключению, что данное региональное сообщество преподносится в качестве платформы для защиты словацких интересов в Европейском Союзе. При этом словацкие эксперты, утверждает автор статьи, несомненно, завышают реальное значение данной группы для западноевропейских политиков. Во второй части исследуется несколько направлений в представленном в словацкой историографии образе вишеградского сотрудничества: изучение инициатив в ходе председательства тех или иных стран, анализ общих подходов и расхождений, рассмотрение влияния миграционного кризиса, постановка вопроса о перспективах институционализации сотрудничества. Показан также словацкий разбор отраслевого сотрудничества в рамках Вишеграда, в частности, в сфере обороны и безопасности, а также в энергетике. Автор анализирует словацкие подходы к расширенному вишеградскому сотрудничеству, охватывающему другие регионы, в особенности Западные Балканы и Восточное партнерство. Помимо анализируемых в словацкой историографии направлений деятельности Вишеградской группы, в статье рассматривается документальная база, на которой построены словацкие работы. Автор приходит к выводу о том, что значительный массив интернет-ресурсов (в особенности, документы правительства Словакии) учеными не используются. Это дает возможность в дальнейшем более детально исследовать и оценить деятельность Вишеградской четверки.

Ключевые слова: Вишеградская группа, Словацкая Республика, Чешская Республика, Польша, Венгрия, историография, ЕС

Благодарность: исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-09-00279.

Для цитирования: *Никитин В.В.* Образ Вишеградской группы в словацких научных исследованиях // Запад – Восток. 2020. № 13. С. 70–84. DOI: <https://doi.org/10.30914/2227-6874-2020-13-70-84>

The image of the Visegrad Group in Slovak scientific research

V. V. Nikitin

The article analyzes and critically evaluates the approaches of Slovak researchers to the activities of four Visegrad countries, three of which until 1918 were part of Austria-Hungary. In the first part of this work, the author examines the assessments of Slovak researchers of the Slovak role in the Visegrad Group. On this basis, the author comes to the conclusion, that this regional community is presented as a platform for protecting Slovak interests in the European Union. At the same time, Slovak experts, as the author of the article claims, undoubtedly overestimate the real significance of this group for Western European politicians. The second part of the article examines the image of Visegrad cooperation in several directions: the study of initiatives during the chairmanships of certain countries, analysis of common approaches and differences, consideration of the impact of the migration crisis and raising the question of the prospects for institutionalizing cooperation. The readers may also get acquainted with the Slovak analysis of sectoral cooperation within the framework of Visegrad, especially in the field of defense and security, as well as in the energy sector. The author analyzes the Slovak approaches to the expanded Visegrad cooperation (Visegrad+) covering other regions, in particular the Western Balkans and the Eastern Partnership. In addition to the activities of the Visegrad Group analyzed in Slovak historiography, the article examines the documentary base on which the Slovak works are based. The author concludes that there is a whole array of Internet resources (in particular, documents of the Slovak government) that are currently not used by scientists. This makes it possible to further study and evaluate the activities of the Visegrad Four in more detail.

Keywords: the Visegrad Group, Slovak Republic, Czech Republic, Poland, Hungary, historiography, the European Union

Acknowledgments: The reported study was funded by the RFBR, project number 20-09-00279.

For citation: Nikitin V.V. The image of the Visegrad Group in Slovak scientific research. *West – East*. 2020, no. 13, pp. 70–84. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.30914/2227-6874-2020-13-70-84>

Одним из основных направлений в научных исследованиях в области исторической политики Словакии, затрагивающих регион Центральной Европы (ЦЕ), является изучение места Словакии в Вишеградской группе (Венгрия, Польша, Словакия, Чешская Республика) и внешней политики Словакии на этом интеграционном пространстве.

Изучение места Словакии в Вишеградской группе

15 февраля 1991 года в венгерском городе Вишеград президентами Венгрии Й. Анталлом, Польши – Л. Валенсой и Чехословакии – В. Гавелом

была подписана Декларация о сотрудничестве Чешской и Словацкой Федеративной Республики, Республики Польша и Венгерской Республики на пути в европейской интеграции. В Декларации были провозглашены пять основных целей: во-первых, полная реституция государственной независимости, демократии и свободы; во-вторых, устранение всех существующих социальных, экономических и духовных аспектов тоталитарной системы; в-третьих, построение парламентской демократии, современного правового государства, уважение прав и свобод человека; в-четвертых, создание современной рыночной экономики, и, в-пятых, полное вовлечение в европейскую политическую и экономическую систему, а также систему безопасности и законодательства [1, с. 51–52].

Таким образом, изначально перед данной группой ставилась основная задача: сотрудничество в различных областях для достижения заветной цели – вступления этих стран в ЕС и НАТО. Из этого можно сделать заключение, что членство Словакии в данной интеграционной группе сразу переводило ее в разряд «цивилизационной принадлежности» к западным евроатлантическим структурам.

Именно поэтому Словакия в рядах Вишеградской группы изначально воспринималась словацкими экспертами в качестве страны, обязанной вступить в ЕС и НАТО в первой волне их расширения. Стоит отметить, что в Словакии в то время практически никем не ставился вопрос о реальной необходимости ее участия в рядах Североатлантического альянса. Единственный аналитик, который выступал за нейтралитет Словакии, как ни странно, был чешский историк Ян Тесарж, взявший гражданство СР после распада Чехословакии. Он считал, что вступление этой страны в НАТО приведет к ее «вечной сателлизации, зависимости и даже оспариванию ее государственности»¹.

Называя словацкую политику по вступлению в Североатлантический альянс «лакейством» и «коллораборационизмом», он усматривал в этом процессе явную взаимосвязь с чешской историей. «Чешское государство никогда не знало другого суверенитета, кроме ограниченного; однако в специфической чешской атмосфере сам по себе этот основополагающий факт не мог быть констатирован, и поэтому чехи не только научились считать свое тысячелетнее лакейство (оправданно) своей подлинной, наиболее типичной для себя государственной традицией, но и называть ее (неоправданно) суверенитетом. Этим самым они не смогли хотя бы осознать, что такое реальный суверенитет. Последствия очевидны. Все это оказало влияние и на словаков»².

¹ Tesář J. Geopolitika samostatného Slovenska // Literárny týždenník. Č. 22. 1994. S. 1.

² Ibid. S. 12.

Это была, однако, единственная открытая попытка постановки вопроса о независимых роли и месте Словакии в Европе. Все остальные словацкие эксперты, как в 1990-е гг., так и сегодня, исходили из простого постулата о несуществовании другой альтернативы, кроме евроатлантизма. Особенно показательны в этом смысле исследования таких словацких авторов, как А. Дулеба или М. Влаховский [18, s. 27–44; 19, s. 71–100; 4; 1, с. 52].

В этом направлении, однако, словацких экспертов в 1990-е гг. ждал неприятный сюрприз. Словакию постепенно, начиная с 1995 г., западные страны начали исключать из процесса расширения НАТО и ЕС. Этот процесс начался с получения Словакией трех демаршей ЕС и США (один в ноябре 1994 г., два в октябре 1995 года). Словацкий политолог А. Дулеба даже делит историю Словакии 1990-х годов на три эпохи: «додемаршевая» (январь 1993 – ноябрь 1994 г.), «демаршевая» (ноябрь 1994 – октябрь 1995 г.) и «постдемаршевая» (октябрь 1995 – сентябрь 1998 г.) [5, s. 39].

Другой словацкий исследователь И. Гопта в настоящее время отмечает, что в 1990-е гг. в Словакии правительство В. Мечьяра «уделяло гораздо больше внимания внутренней политике, прежде всего построению политической и экономической власти. Это негативно отразилось не только на восприятии Словакии международными партнерами, но и на качестве ее сотрудничества с государствами-членами В4, которое реализовывалось на протяжении 1993–1997 гг. в минимальной степени» [1, с. 52]. На основе весьма сложных отношений между ЕС/США и Словакии была выдвинута концепция выпадания Словакии из Вишеградской четверки, нейтралистских, даже панславянских тенденций в Словакии, что приводило к опасениям о будущем данной региональной организации [10, s. 262].

С этой точки зрения интерес представляет и тот факт, что сегодня словацкие либеральные политики (Прогрессивная Словакия / Вместе, За людей) также относятся уже к Венгрии и Польше, настаивая на том, чтобы «Словакия дистанцировалась от своих “проблемных” соседей по Вишеграду, а именно Венгрии и Польши, которых институты ЕС критиковали за недостатки в обеспечении верховенства закона» [15, p. 74].

Словацкие эксперты рисуют другой образ Вишеградской группы. Для Словакии она, по их мнению, представляет «жизненно важное пространство, и в то же время инструмент для успешного продвижения собственных интересов на более широком региональном и европейском уровне» [12, s. 79]. Словацкие авторы отмечают важнейшую взаимосвязь данного регионального объединения и ЕС. «Основой, определяющей долгосрочное функционирование В4, несомненно, является Европейский Союз. После присоединения к нему Вишеградская четверка стала одной из важнейших региональных платформ, а с точки зрения отдельных аспектов она превзойдет даже такую известную региональную инициативу, как Бенилюкс». Словацкий политолог

Т. Стражай сравнивает площадь территории и количество населения в этих двух региональных группах, ссылаясь на высказывание министра иностранных дел Польши Радослава Сикорски в Будапеште в 2013 году [13, s. 85].

В этом направлении, однако, вырисовывается явное преувеличенное восприятие Вишеградской группы. По мнению словацких авторов, важность данного регионального сообщества все больше осознают представители Евросоюза. В качестве аргумента используется «присутствие высших представителей Еврокомиссии на встречах лидеров стран В4 перед заседаниями Совета ЕС или их присутствие на различных Вишеградских саммитах непосредственно в регионе» [13, s. 85]. Скорее всего, такое пристальное наблюдение за деятельностью центрально-европейских стран со стороны лидеров ЕС говорит об их желании заранее предупредить возможную попытку неповиновения этих государств общеевропейским решениям, принятым в Брюсселе, как и заблаговременно ознакомиться с вишеградскими подходами, которые затем будут предлагаться этими странами на заседаниях Совета ЕС. Обращает на себя внимание тот факт, что словацкий исследователь Т. Стражай не приводит в качестве примера ни одного решения на уровне ЕС, принятию которого способствовало бы осознание еврочиновниками важности Вишеградской четверки.

В виду серьезной взаимосвязи между Вишеградом и Евросоюзом, словацкие авторы выделяют координацию между этими двумя интеграционными группами, которая, с их точки зрения, привела к принятию на уровне ЕС тех бюджетных условий на 2014–2020 гг., которые удовлетворили представителей центрально-европейских стран. При этом на первое место словацкими аналитиками ставится проблема различного отношения стран Вишеграда к европейской интеграции. Словакия ими оценивается как «наиболее интегрированная страна» в виду перехода этой страны на евро, а Чешская Республика времен премьер-министра Петера Нечаса характеризуется как страна, отношение которой к евроинтеграции было «сдержанным или даже негативным» [16, s. 70].

Важность Евросоюза для Вишеградских стран рисуется словацкими экспертами в следующих тонах: «Европейский Союз является приоритетной областью для В4 для его собственного развития и реализации региональных интересов. Несмотря на тенденции к дезинтеграции, которые достигли высшей точки в ЕС из-за последствий долгового и экономического кризиса в 2012 году, В4 сохранила свою целостность и четко проявила себя как региональная инициатива с перспективой дальнейшего развития. Не является препятствием и то, что страны Вишеградской группы находятся на разных орбитах европейской интеграции» [13, s. 93].

Таким образом, для словацких исследователей понятия «Евросоюз» и «Вишеградская группа», по сути дела, являются синонимами. Вишеград

для Словакии, по их мнению, представляет интерес, главным образом, в качестве плацдарма для защиты словацких интересов на уровне ЕС. Отсюда возникает весьма завышенная оценка значения данной интеграционной группы в словацких исследованиях.

Изучение деятельности Вишеградской группы в словацкой историографии

В словацких трудах вырисовывается несколько аспектов изучения функционирования Вишеградской группы. Прежде всего, необходимо выделить анализ словацкими экспертами деятельности данного регионального объединения в ходе председательства тех или иных стран. Так, например, словацкий политолог Т. Стражай сопоставил итоги чешского и польского председательства в Вишеградской группе. «Чешское председательство сосредоточилось не только на новаторских стратегиях, которые могли бы привести к спорным результатам во время продолжающегося кризиса, но и на нескольких небольших, но более конкретных инициативах, которые значительно укрепили В4».

Речь шла о такой инструментарии, как создание совершенно нового механизма предоставления грантов для стран Восточного партнерства в рамках Международного вишеградского фонда, формировании Западно-балканского фонда в регионе Юго-Восточной Европы, а также возникновении «новой платформы Вишеградского аналитического центра под названием "Think Visegrad", направленной в первую очередь на разработку краткосрочных и долгосрочных анализов для министерств иностранных дел В4 и укрепление сотрудничества между правительственным и неправительственным секторами» во всех вишеградских странах. Польское председательство, по мнению словацкого эксперта, «приятно удивило своей динамичностью». Позиция Польши «подтверждает тезис о растущей важности роли самого президентства, в то время как отдельные страны Вишеградской группы все чаще используют возможность внести дополнительную ценность для региональной инициативы в виде новаторских идей» [13, s. 86–87].

Пристальное внимание словацкими исследователями уделяется как совместной позиции, так и расхождениям государств на данном интеграционном пространстве. Однако возникающие расхождения (реформа ЕС, выборы генерального секретаря ООН, отношение к углублению европейской интеграции) менее существенны, чем те подходы, в которых страны В4 проявляют солидарность. Среди прочего, речь идет о таких важнейших направлениях внешней и экономической политики центрально-европейских правительств, как формирование бюджета ЕС и расходование финансовых средств из европейских фондов, реализация политики сплочения, интерес к предотвращению фрагментации ЕС, минимизация влияния Брекзита

на страны ЦЕ. В некоторых случаях совместным подходам вишеградских правительств оказывается поддержка со стороны как других европейских государств (Болгария, Хорватия, Румыния и Словения), так и Еврокомиссии (двойные стандарты по качеству продуктов питания) [11, р. 61–62].

Т. Стражай рисует следующую палитру Вишегдарской группы: Венгрия считает ее «наиболее важным форматом регионального сотрудничества. В4 – это основа для создания коалиции и важный инструмент для достижения целей ее внешней и европейской политики». Польша является «крупнейшей страной В4, поэтому принцип “равные права, равный вклад” иногда не отражает амбиции Варшавы, ставя ее на один уровень с ее более мелкими вишеградскими партнерами». Отношения со Словакией и Польшей имеют «стратегическое значение для Чешской Республики, поэтому формат В4 используется как инструмент для поддержания регулярного диалога с ними и для двусторонних отношений». Словакия находится «в положении, когда она пытается сбалансировать существующие партнерские отношения со своими центрально-европейскими соседями, с одной стороны, и придерживаться активного подхода к углублению интеграции с ЕС, с другой». Данное региональное сообщество «рассматривается как наиболее важная региональная инициатива. Однако членство в еврозоне и интеграционный подход правительства выделяют Словакию из трех других вишеградских стран. По этой причине самой важной задачей Словакии было – и остается – установление баланса между этими двумя позициями» [17, s. 68].

Учитывая влияние миграционного кризиса как на внешнюю, так и на внутреннюю политику этих стран, в словацких работах анализируется отрицательный подход вишеградских правительств к механизму автоматического переселения беженцев. С другой стороны, отмечается и то, что премьер-министры государств ЦЕ поддержали меры, принятые на уровне ЕС с целью защиты внешних границ Евросоюза, призвав к безотлагательному созданию Европейской пограничной и береговой охраны, а также к осуществлению плана действий между ЕС и Турцией. «Позиция стран Вишеградской группы в том, что система, предложенная Еврокомиссией, не доказала свою эффективность, оставалась неизменной на протяжении всего 2016 года, – пишет Т. Стражай. – Однако, хотя в течение первого полугодия страны В4 критиковали в основном предлагаемые решения, вторая половина была более продуктивной с точки зрения выработки конкретных предложений. Хотя концепция гибкой солидарности, представленная на саммите ЕС в Братиславе, была непонятна большинству партнеров стран В4 в ЕС, по крайней мере, ее можно было рассматривать как попытку положить что-то более конкретное на стол переговоров» [14, р. 78].

В Словакии в области деятельности вишеградских стран в рамках данного интеграционного пространства особенно часто обсуждается вопрос

об его институционализации. «Углубляя европейскую интеграцию и создавая новые институты, постоянно возникает вопрос, сможет ли слабо институционализированный Вишеград адекватно ответить на предстоящие европейские вызовы. Обсуждение возможного укрепления институциональной базы является полезным с учетом обстоятельств, но ни одна из вишеградских стран не занимает позицию явного сторонника дальнейшей институционализации В4». Словацкий эксперт особо подчеркивает проблему существования многоскоростного Вишеграда, в связи с которой центрально-европейские страны «находятся на разном уровне европейской интеграции. Высокая степень гибкости, которая напрямую связана со слабой степенью институционализации, является скорее преимуществом, чем недостатком. Тем не менее более тесная координация в рамках В4 будет по-прежнему возможна за счет укрепления существующих и создания новых инструментов сотрудничества с упором на регулярное общение между экспертами и ведущими сотрудниками государственных органов управления, являющееся необходимой составной частью саммитов, проводимых на политическом уровне. Международный Вишеградский фонд остается единственным «каменным» учреждением В4, но именно регулярные встречи политических представителей, глав министерств и экспертов, которые можно в некотором смысле рассматривать как неформальные институты, имеют решающее значение для функционирования В4» [13, s. 93–94].

Проблема, однако, заключается в том, что словацкий эксперт не объяснил, что конкретно он подразумевает под «институционализацией» Вишеграда, и по какой причине она привела бы к отрицательным последствиям. Обращает на себя внимание и тот факт, что, к примеру, в словацко-российских отношениях действует Межправительственная комиссия по торгово-экономическому, научно-техническому и культурному сотрудничеству между Словацкой Республикой и Российской Федерацией. Получается, что словацко-российские отношения больше институционализированы, чем вся Вишеградская группа. Этот вопрос, несомненно, требует дальнейшей конкретной проработки. Стоит отметить и то обстоятельство, что, несмотря на неспособность автора объяснить конкретные подходы к вопросу об институционализации Вишеграда, эту тему он в одном-двух предложениях продолжал поднимать и в других работах [11, s. 68; 17, s. 74; 15, s. 80].

Так, например Т. Стражай в 2017 г. пришел к тому же заключению, что и раньше: «Только низкий уровень институционализации позволит странам В4 продолжить более чем 25-летнее сотрудничество в тех областях, где у них действительно есть общие интересы. Эта слабая институционализация также позволит каждой из них занимать разные позиции в некоторых направлениях, без того, чтобы подвергать опасности весь механизм сотрудничества. Больше институционализации, безусловно, принесет больше

твердости, но не больше влияния в ЕС» [14, s. 84]. При этом данный анализ в 2020 г. привел его к выводу о том, что Вишеградская группа – это «неформальная коалиция стран, заинтересованных в сотрудничестве в отдельных областях, а не единый блок» [15, s. 79].

Это, несомненно, правильный и весьма приближенный к истине вывод, однако не совсем понятно, как его можно согласовать с теорией того же автора о важности этой «неформальной коалиции» для представителей Евросоюза. Скорее всего, в связи с ее «неформальностью» придется переосмыслить отношение к данному интеграционному сообществу со стороны ЕС. Как уже отмечалось ранее, вполне возможно, что «вишеградская платформа» все-таки используется чиновниками и политиками ЕС для выяснения изначальных подходов по европейской повестке дня со стороны центрально-европейских стран, что дает им представление, как выстроить свою политику на заседаниях органов ЕС, т. е. какие позиции Вишеград поддержит, а по каким вопросам в этой группе имеются серьезные разногласия.

Если согласиться с таким подходом, тогда возникает другой, причем более существенный вопрос: является ли Вишеградская группа платформой для продвижения своих интересов в ЕС, или, наоборот, платформой убеждения представителями ЕС центрально-европейских стран в необходимости занять «правильную» позицию по европейской повестке дня, или, по крайней мере, сферой наблюдения за принимаемыми на уровне Вишеграда решениями, важными для брюссельских органов. Эти вопросы также требуют более тщательной проработки в дальнейшем.

Следующим направлением, которое анализируется в Словакии, является расширенное вишеградское сотрудничество, или «Вишеград+». Речь идет о таких сферах «вневишеградских» инициатив, как отношения с регионом Западных Балкан или Восточной Европы (в рамках «Восточного партнерства»), работа в сфере «Славковского треугольника» (Словакия, Франция, Чешская Республика). Отмечаются авторами также и инициативы «трех» морей, поэтому вполне ожидаемо было то, что с 2014 года в словацких работах центральное место стал занимать конфликт на территории Украины. В нем словацкие авторы полностью встали на украинские позиции. Так, например, без должного анализа и даже ссылок на какую-нибудь историографию или источники, Т. Стражай обвинил Россию в нарушении международного права [12, s. 72–74]. Весьма субъективно подходит к рассмотрению российско-украинского конфликта и другой словацкий эксперт – А. Дулеба. Ссылаясь на позицию британской вещательной корпорации «ВВС», он рисует образ оккупации и аннексии Крыма Россией, как и «российского следа» в военном конфликте на Донбассе: «Как раньше в Крыму, так и на Донбассе появились прекрасно вооруженные “зеленые человечки” в камуфляже без военных знаков отличия, которые заняли город Славянск

и начали оккупировать другие города Донецкой и Луганской областей. Украина решила защищать свою территорию, и с тех пор на Донбассе происходит военный конфликт между вооруженными силами Украины и сепаратистами, поддерживаемыми Россией» [8, s. 82]. Похожими оценками изобилуют и документы словацкого правительства [2, с. 116–117], с которыми, однако, А. Дулеба не работал. Возникает серьезный вопрос, насколько можно решать проблемы мировой политики, или хотя бы их анализировать, перенимая чужие подходы и занимая позицию одной из сторон конфликта.

Еще одним направлением, анализируемым словацкими авторами, является отраслевое сотрудничество вишеградских стран. Речь идет о таких сферах деятельности, как оборона и безопасность, энергетика, транспорт и цифровые технологии, климатическая политика, электрификация, инфраструктура и пространственное планирование. Т. Стражай особое внимание обращает на первые две области. Он отмечает, что в сфере обороны и безопасности анонсировано создание в 2012 г. совместной военной группы [13, s. 91], находящейся «в режиме ожидания» с середины 2016 по конец 2019 года. Последующее ее развертывание запланировано на первую половину 2023 года. [15, s. 79]. Также экспертами упоминаются обмен информацией и вклад В4 в меры НАТО по обеспечению безопасности стран Балтии [14, p. 82–83; 11, p. 65].

В области энергетики словацкие авторы обращают внимание на три аспекта. Во-первых, речь идет о проекте создания совместного регионального рынка газа, который, кроме прочего, «укрепил бы переговорные позиции вишеградских партнеров с поставщиками». Здесь имеется в виду, главным образом, Российская Федерация [13, s. 92]. Во-вторых, отмечается важность объединения «существующих или создание новых транспортных маршрутов, особенно строительство соединительных линий на оси север – юг (Польша – Словакия – Венгрия. – В. Н.). Словакия играет ключевую роль в этом контексте, поскольку это единственная страна, граничащая со всеми странами Вишеградской группы» [13, s. 92]. Подчеркивается в этой связи готовность центрально-европейских стран расширить региональный масштаб проекта на другие государства (Молдова, страны Балтии, Румыния, Украина и Хорватия) [16, s. 71].

Особенно перспективной Т. Стражайю представляется политика вишеградских правительств, направленная, с одной стороны, на борьбу с Северным потоком – 2, а с другой – на диверсификацию поставок энергоресурсов в эти страны из России. Она преподносится им как «повышение энергетической безопасности» этих стран. Причем в 2015 году этим же автором отмечалась «конкретная и весьма значительная помощь» Украине со стороны Словакии в данной области в связи с экспортом газа в эту страну благодаря

реверсу. Т. Стражай акцентировал также тот факт, что его объемы из Словакии значительно выше, чем из Польши или Венгрии [12, s. 77].

При этом необходимо отметить, что в глаза бросается явное несоответствие в этих подходах. Пока Россия не диверсифицировала свои поставки газа в Западную Европу в 1990-х – первой половине 2000-х годов, Словакия использовала свою территорию для его экспорта, а Польша строила газопровод Ямал – Западная Европа из России в Германию. Необходимо отметить, что Словакия в рамках транзитной скидки получала 2/3 российского газа бесплатно¹. Как только «Газпром» начал реализацию диверсификации поставок энергоресурсов в Западную Европу в обход Украины и стран Центральной Европы, словацкие политики и эксперты пришли к выводу о необходимости повышения «энергетической безопасности», как будто на протяжении 20 лет такой проблемы не существовало. На самом деле за такой политикой просачивается исключительный экономический, а на самом деле финансовый интерес этих стран.

Таким образом, можно сделать несколько выводов о складываемом в Словакии образе Вишеградской группы. Во-первых, налицо перечисление общедоступных фактов с весьма абстрактной фразеологией, выдаваемое за анализ итогов председательства той или иной страны в вишеградском формате. За редким исключением не анализируются реальные достижения в центрально-европейском сотрудничестве.

Во-вторых, поднимается весьма общий и не связанный с реальной деятельностью этих стран вопрос об институционализации данной интеграционной группы. Причем отсутствуют конкретные примеры того, какой именно процесс имеется в виду и какие возможные итоги он принесет для этих государств.

В-третьих, несмотря на достаточно большое внимание, которое уделяется как анализу развития отношений Вишеграда с другими регионами, так и отраслевому сотрудничеству центрально-европейских стран, отсутствуют конкретные итоги данной политики, за исключением разве что создания совместной военной группы В4, развертывание которой, впрочем, запланировано только на первую половину 2023 года.

Однако самая серьезная отрицательная черта в словацкой историографии связана с другой, куда более сложной проблемой. Словацкие эксперты не используют в своих работах документы своего правительства по встречам в рамках Вишеградской группы, исключение представляет исследование

¹ Rabayová Z. Slovenský plynárenský priemysel má záujem o uzavretie dlhodobých zmlúv s ruským Gazpromom // Trend. 1996. 16. XII. S. 3B; Tokárová L. Inkasujeme za tranzit a export // Hospodárske noviny. 1996. 30. XII. S. 1, 4; Rusko-slovenský obchodný dom sa môže zmeniť na vzdušný zámok // Trend. 1995. 22. II. S. 3A; Podľa Dzurindu je pre SR možnosť platiť za ruský plyn aj tovarom inšpirujúca // Sme. 1997. 6. II. S. 2.

И. Гопты [1]. Однако его работа носит более общий характер и не претендует по объективным причинам на анализ конкретных явлений в данном интеграционном сообществе. Т. Стражай, к сожалению, использует либо интервью вишеградских политиков, либо экспертную литературу и журналистику. В качестве основополагающего источника в его работах выступает «Вишеградский бюллетень». В одном абзаце в весьма сжатой форме в нем описаны итоги встреч и форумов в рамках В4 за несколько месяцев. Так, например, в первом номере за 2018 г. значится 50 событий, произошедших с апреля по июнь 2018 года¹.

Таким образом, обращает на себя внимание тот факт, что в словацкой историографии используется весьма скудная документальная база. Стоит отметить, что в российской историографии есть примеры введения впервые в мировой историографии в научный оборот словацких правительственных документов [2; 3]. Эти пробелы, несомненно, в дальнейшем будут заполняться как словацкими, так и российскими историками.

Несмотря на вышеперечисленные методологические сложности, очевиден тот факт, что в Словакии создается положительный образ сотрудничества четырех центрально-европейских стран, имеющий глубокие исторические корни. Для заключения договора в 1991 г. не случайно был подобран венгерский город Вишеград. В 1335 году здесь встретились венгерский, польский и чешский короли и договорились о тесном сотрудничестве в области политики и торговли. К тому же три страны Вишеграда еще в 1918 г. были частью двуединой монархии Габсбургов. Таким образом, современные отношения вишеградских государств продолжают развитие исторических контактов трех народов Австро-Венгрии и их положительные связи с Польшей. В дальнейшем они, несомненно, будут только развиваться, что станет предметом новых исследований, которые еще больше усилят интерес к данной интеграционной группе.

¹ Visegrad bulletin 8 (№ 1/2018). URL: <http://www.visegradgroup.eu/visegrad-bulletin-8-1> (дата обращения: 28.11.2020).

Список литературы

1. Гопта И. Роль Вишеградской группы во внешней политике Словакии на современном этапе // Отношения стран Вишеградской четверки и России в новых европейских реальностях. М. : ИЕ РАН, 2018. С. 51–62.
2. Никитин В.В. Роль миграционного кризиса в современной словацкой политике (2016–2018 гг.) // Славянский мир в третьем тысячелетии. 2019. № 1–2. С. 110–124. DOI: <https://doi.org/10.31168/2412-6446.2019.14.1-2.7>
3. Никитин В.В. Словакия и Вишеградская группа: европейское измерение // Научно-аналитический вестник ИЕ РАН. 2020. № 5. С. 38–44. URL: <http://vestnikieran.instituteofeurope.ru/images/Nikitin52020.pdf> (дата обращения: 28.11.2020).

4. Duleba A. Slepý pragmatizmus slovenskej východnej politiky. Aktuálna agenda slovensko-ruských bilaterálnych vzťahov. Bratislava : Výskumné centrum Slovenskej spoločnosti pre zahraničnú politiku, 1996.
5. Duleba A. Slovenská zahraničná politika. Bilancia šiestich rokov a perspektívy zmeny // Mezinárodní vztahy. Vol. 34. No. 1. 1999. S. 36–54.
6. Duleba A. Slovensko-ruská spolupráca vo vojenskej a vojensko-priemyselnej oblasti alebo Kde sa končí obchod a začína politika // Mezinárodní vztahy, 1999, č. 1, s. 38–56.
7. Duleba A. Slovensko-ruské hospodárske vzťahy – viac otázok ako odpovedí (obchodné problémy, vízie, suroviny a záujmy) // Mezinárodní vztahy. 1997. Vol. 32. No. 2. S. 31–50.
8. Duleba A. Východná politika SR v roku 2014 v znamení rusko-ukrajinskej krízy // Ročenka zahraničnej politiky Slovenskej republiky 2014. Bratislava : Výskumné centrum Slovenskej spoločnosti pre zahraničnú politiku, 2015. S. 81–99. URL: <http://www.sfpa.sk/wp-content/uploads/2014/02/R2014.pdf> (дата обращения: 28.11.2020).
9. Hirman K. Faktor ropy a plynu v ruskej domácej a zahraničnej politike. Bratislava : Výskumné centrum Slovenskej spoločnosti pre zahraničnú politiku, 1998.
10. Marušiak J. Slovensko-poľská dvojstranná spolupráca v 90. rokoch ako jeden z pilierov visegrádskej spolupráce // Slovensko-české vzťahy v kontexte strednej Európy. Bratislava : VEDA, 2005. S. 262–315.
11. Strážay T. Jewel or thorn? V4 in 2017 from Slovakia's perspective // Yearbook of Slovakia's Foreign Policy 2017. Bratislava : Research Center of the Slovak Foreign Policy Association, 2018. P. 59–68. URL: http://www.sfpa.sk/wp-content/uploads/2018/04/Rocenka_2017_web985.pdf (дата обращения: 28.11.2020).
12. Strážay T. Ukrajina ako spúšťač existenciálnej krízy V4? Ďalšiu otázku, prosím! // Ročenka zahraničnej politiky Slovenskej republiky 2014. Bratislava : Výskumné centrum Slovenskej spoločnosti pre zahraničnú politiku, 2015. S. 71–80. URL: <http://www.sfpa.sk/wp-content/uploads/2014/02/R2014.pdf> (дата обращения: 28.11.2020).
13. Strážay T. V4 2012 – viacrýchlostný Vyšehrad na plný plyn // Ročenka zahraničnej politiky Slovenskej republiky 2012. Bratislava : Výskumné centrum Slovenskej spoločnosti pre zahraničnú politiku, 2013. S. 85–94. URL: <http://www.sfpa.sk/wp-content/uploads/2014/02/R2012.pdf> (дата обращения: 2.12.2012).
14. Strážay T. Visegrad 2016: more challenges than opportunities // Yearbook of Slovakia's Foreign Policy 2016. Bratislava : Research Center of the Slovak Foreign Policy Association, 2017. P. 77–84. URL: http://www.sfpa.sk/wp-content/uploads/2017/05/Rocenka_2016_web-1.pdf (дата обращения: 28.11.2020).
15. Strážay T. Visegrad menu in a Slovak restaurant // Yearbook of Slovakia's Foreign Policy 2019. Bratislava : Research Center of the Slovak Foreign Policy Association, 2020. P. 73–80. URL: http://www.sfpa.sk/wp-content/uploads/2020/04/Rocenka_2019_web.pdf (дата обращения: 28.11.2020).
16. Strážay T. Vyšehradská skupina v roku 2013: úspechy v tieni Vilniuskeho samitu // Ročenka zahraničnej politiky Slovenskej republiky 2013. Bratislava : Výskumné centrum Slovenskej spoločnosti pre zahraničnú politiku, 2014. S. 67–74. URL: <http://www.sfpa.sk/wp-content/uploads/2014/02/R2013.pdf> (дата обращения: 14.11.2020).
17. Strážay T. When pragmatism wins: Slovakia in the Visegrad Group // Yearbook of Slovakia's Foreign Policy 2018. Bratislava : Research Center of the Slovak Foreign Policy Association, 2019. P. 67–74. URL: http://www.sfpa.sk/wp-content/uploads/2019/04/Rocenka_2018_web.pdf (дата обращения: 28.11.2020).

18. Wlachovský M. Zahraničná politika // Slovensko 1995. Súhrnná správa o stave spoločnosti. Bratislava : Nadácia Sándora Máraiho, 1996. S. 27–44.
19. Wlachovský M., Duleba A., Lukáč P. Zahraničná politika Slovenskej republiky // Slovensko 1996. Súhrnná správa o stave spoločnosti a trendoch na rok 1997. Bratislava : Inštitút pre verejné otázky, 1997. S. 71–100.
20. Žiak M. Slovensko: od komunizmu – kam? Bratislava : ARCHA, 1996.

Статья поступила в редакцию 29.11.2020;
одобрена после рецензирования 10.12.2020; принята к публикации 12.12.2020.

Об авторе

Никитин Виктор Викторович

младший научный сотрудник, Институт славяноведения РАН, Российская Федерация, г. Москва, viktor.nikitin.inslav@gmail.com

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

References

1. Gupta I. Rol' Vishegradskoi gruppy vo vneshnei politike Slovakii na sovremennom etape [The role of the Visegrad Group in the foreign policy of Slovakia at the present stage]. *Otnosheniya stran Vishegradskoi chetverki i Rossii v novykh evropeiskikh real'nostyakh* = Relations between the Visegrad4 countries and Russia in the new European realities, Moscow, IE RAS Publ. House, 2018, pp. 51–62. (In Russ.).
2. Nikitin V.V. Rol' migratsionnogo krizisa v sovremennoi slovatskoi politike (2016–2018 gg.) [The role of the migration crisis in contemporary Slovak politics (2016–2018)]. *Slavyanskii mir v tret'yem tysyacheletii* = Slavic World in the Third Millennium, 2019, no. 1–2, pp. 110–124. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.31168/2412-6446.2019.14.1-2.7>
3. Nikitin V.V. Slovakiya i Vishegradskaya gruppy: evropeiskoe izmerenie [Slovakia and V4: European Dimension]. *Nauchno-analiticheskiy vestnik IYe RAN* = Scientific and Analytical Herald of the Institute of Europe RAS (Herald of IE RAS), 2020, no. 5, pp. 38–44. Available at: <http://vestnikieran.instituteofeurope.ru/images/Nikitin52020.pdf> (accessed 28.11.2020). (In Russ.).
4. Duleba A. Slepý pragmatizmus slovenskej východnej politiky. Aktuálna agenda slovensko-ruských bilaterálnych vzťahov. Bratislava, Výskumné centrum Slovenskej spoločnosti pre zahraničnú politiku, 1996. (In Slovak.).
5. Duleba A. Slovenská zahraničná politika. Bilancia šiestich rokov a perspektívy zmeny. *Mezinárodní vztahy*, vol. 34, no. 1, 1999, S. 36–54. (In Slovak.).
6. Duleba A. Slovensko-ruská spolupráca vo vojenskej a vojensko-priemyselnej oblasti alebo Kde sa končí obchod a začína politika. *Mezinárodní vztahy*, 1999, č. 1, s. 38–56. (In Slovak.).
7. Duleba A. Slovensko-ruské hospodárske vzťahy – viac otázok ako odpovedí (obchodné problémy, vízie, suroviny a záujmy). *Mezinárodní vztahy*, 1997, vol. 32, no. 2, S. 31–50. (In Slovak.).
8. Duleba A. Východná politika SR v roku 2014 v znamení rusko-ukrajinskej krízy. *Ročenka zahraničnej politiky Slovenskej republiky 2014*, Bratislava, Výskumné centrum Slovenskej spoločnosti pre zahraničnú politiku, 2015, S. 81–99. Available at: <http://www.sfpa.sk/wp-content/uploads/2014/02/R2014.pdf> (accessed 28.11.2020). (In Slovak.).
9. Hirman K. Faktor ropy a plynu v ruskej domácej a zahraničnej politike. Bratislava, Výskumné centrum Slovenskej spoločnosti pre zahraničnú politiku, 1998. (In Slovak.).

10. Marušiak J. Slovensko-poľská dvojstranná spolupráca v 90. rokoch ako jeden z pilierov visegrádskej spolupráce. *Slovensko-české vzťahy v kontexte strednej Európy*, Bratislava, VEDA, 2005, S. 262–315. (In Slovak.)
11. Strážay T. Jewel or thorn? V4 in 2017 from Slovakia's perspective. *Yearbook of Slovakia's Foreign Policy 2017*, Bratislava, Research Center of the Slovak Foreign Policy Association, 2018, pp. 59–68. Available at: http://www.sfpa.sk/wp-content/uploads/2018/04/Rocenka_2017_web985.pdf (accessed 28.11.2020). (In Eng.)
12. Strážay T. Ukrajina ako spúšťač existenciálnej krízy V4? Ďalšiu otázku, prosím! *Ročenka zahraničnej politiky Slovenskej republiky 2014*, Bratislava, Výskumné centrum Slovenskej spoločnosti pre zahraničnú politiku, 2015, S. 71–80. Available at: <http://www.sfpa.sk/wp-content/uploads/2014/02/R2014.pdf> (accessed 28.11.2020). (In Slovak.)
13. Strážay T. V4 2012 – viacrýchlostný Vyšehrad na plný plyn. *Ročenka zahraničnej politiky Slovenskej republiky 2012*, Bratislava, Výskumné centrum Slovenskej spoločnosti pre zahraničnú politiku, 2013, S. 85–94. Available at: <http://www.sfpa.sk/wp-content/uploads/2014/02/R2012.pdf> (accessed 2.12.2012). (In Slovak.)
14. Strážay T. Visegrad 2016: more challenges than opportunities. *Yearbook of Slovakia's Foreign Policy 2016*, Bratislava, Research Center of the Slovak Foreign Policy Association, 2017, pp. 77–84. Available at: http://www.sfpa.sk/wp-content/uploads/2017/05/Rocenka_2016_web-1.pdf (accessed 28.11.2020). (In Eng.)
15. Strážay T. Visegrad menu in a Slovak restaurant. *Yearbook of Slovakia's Foreign Policy 2019*, Bratislava, Research Center of the Slovak Foreign Policy Association, 2020, pp. 73–80. Available at: http://www.sfpa.sk/wp-content/uploads/2020/04/Rocenka_2019_web.pdf (accessed 28.11.2020). (In Eng.)
16. Strážay T. Vyšehradská skupina v roku 2013: úspechy v tieni Vilniuského samitu. *Ročenka zahraničnej politiky Slovenskej republiky 2013*, Bratislava, Výskumné centrum Slovenskej spoločnosti pre zahraničnú politiku, 2014, S. 67–74. Available at: <http://www.sfpa.sk/wp-content/uploads/2014/02/R2013.pdf> (accessed 14.11.2020). (In Slovak.)
17. Strážay T. When pragmatism wins: Slovakia in the Visegrad Group. *Yearbook of Slovakia's Foreign Policy 2018*, Bratislava, Research Center of the Slovak Foreign Policy Association, 2019, pp. 67–74. Available at: http://www.sfpa.sk/wp-content/uploads/2019/04/Rocenka_2018_web.pdf (accessed 28.11.2020). (In Eng.)
18. Wlachovský M. Zahraničná politika. *Slovensko 1995. Súhrnná správa o stave spoločnosti*, Bratislava, Nadácia Sándora Máraiho, 1996, S. 27–44. (In Slovak.)
19. Wlachovský M., Duleba A., Lukáč P. Zahraničná politika Slovenskej republiky. *Slovensko 1996. Súhrnná správa o stave spoločnosti a trendoch na rok 1997*, Bratislava, Inštitút pre verejné otázky, 1997, S. 71–100. (In Slovak.)
20. Žiak M. Slovensko: od komunizmu – kam? Bratislava, ARCHA, 1996. (In Slovak.)

The article was submitted 29.11.2020;
approved after reviewing 10.12.2020; accepted for publication 12.12.2020.

About the author

Viktor V. Nikitin

Junior Researcher, Institute of Slavic Studies RAS, Moscow, Russian Federation,
viktor.nikitin.inslav@gmail.com

The author has read and approved the final manuscript.